

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 711.6(571.51-25)

DOI: 10.24412/1998-4839-2022-2-142-160

**Типоморфология центра Красноярска.
Часть 2. Структура исторической городской ткани****Дарья Александровна Белова¹**

Сибирский Федеральный Университет, Красноярск, Россия

dariia.belova@gmail.com

Аннотация. Основой ткани исторического города являются локально сложившиеся социально-пространственные структуры с «присоединенными» ценностями и социальными значениями. Для создания проектов неразрушающего развития такой среды требуется богатая палитра методов предпроектных исследований сложившейся городской ткани и ее дальнейшей интеграции в современную жизнь. Типоморфологический анализ, применяемый в разных странах, предлагает методологический аппарат, включающий «чтение» существующей городской ткани, составление моделей генезиса исторической среды и методы проектирования развития на основе этих моделей с опорой на знания о характере поведения морфологических элементов. В данной работе проиллюстрирована эффективность типоморфологического анализа для ткани исторического города Сибири. Предлагается использование типоморфологии для информирования архитектурной практики на пути к сохранению идентичности городов.

Ключевые слова: историческая городская среда, городская типоморфология, морфологический анализ, неразрушающее развитие среды, чтение городской ткани, сибирский город

Для цитирования: Белова Д.А. Типоморфология центра Красноярска. Часть 2.

Структура исторической городской ткани // Architecture and Modern Information Technologies. 2022. №2(59). С. 142–160. URL:

https://marhi.ru/AMIT/2022/2kvart22/PDF/10_belova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-2-142-160

TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES

Original article

**Typomorphology of the Krasnoyarsk city center.
Part 2. The structure of historical urban fabric****Daria A. Belova**

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

dariia.belova@gmail.com

Abstract. The urban fabric of historical city consists of locally developed socio-spatial structures of urban environment with the «attached» values and social meanings. In order to create projects of non-destructive development of such an environment, a rich palette of methods for pre-project design-research of the existing urban fabric and for its further integration into modern life is required. The typomorphological analysis is used in many countries and offers a methodological apparatus that includes the «reading» of existing urban fabric, drawing up models of the genesis of historical environment and the methods of designing its development based on these models, relying on knowledge about the nature of the behavior of morphological elements. This paper

¹ © Белова Д.А., 2022

illustrates the effectiveness of typomorphological analysis for the fabric of the historical city of Siberia. This study suggests the use typomorphology to inform architectural practice on the way to preserving the identity of cities.

Keywords: historical urban environment, urban typomorphology, morphological analysis, non-destructive development of the environment, reading of urban fabric, Siberian city

For citation: Belova D. Typomorphology of the Krasnoyarsk city center. Part 2. The structure of historical urban fabric. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2022, no. 2(59), pp. 142–160. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2022/2kvart22/PDF/10_belova.pdf

DOI: 10.24412/1998-4839-2022-2-142-160

Введение

Основой ткани исторического города являются локально сложившиеся социально-пространственные структуры – составляющие городской среды с «присоединенными» ценностями и социальными значениями, которые требуется выявить. Сохраняя или развивая исторический памятник или ландшафт, важно убедиться, что он остается включенным в социальные процессы, поскольку преобразования и осознанные «вмешательства» в городскую среду – неизбежная их часть. Как утверждает один из основоположников итальянской школы типоморфологии Д. Каниджа, отказываясь принимать и учитывать городское наследие как концентрацию переживаний, традиций, опыта (Например, не задавая вопрос, почему здания имеют определенные размеры, конфигурации и параметры, как они вписываются в исторический и социальный контекст?), становится проблематично произвести читаемый, интегрированный в среду объект. Исследователи городской морфологии, Д. Уайтхэнд и К. Гу утверждали: «Реализация полного потенциала ландшафта как культурного, образовательного, интеллектуального и экономического ресурса требует понимания того, как исторически и географически связаны отдельные черты: как они вписываются в более широкий исторический ландшафт... Знания о существовании исторических особенностей недостаточно. Решающее значение имеет то, как они интегрированы друг в друга» [20, с. 6949]. Современная профессиональная интерпретация исторических паттернов городской формы, основанная на типоморфологическом подходе (подробно описанном Д. Каниджа), расшифровывающем исторически сложившиеся связи и характер поведения элементов и структуры, может стать ключом к решению проблемы, даже если исходный смысл, либо исходные исторические материалы недоступны [11, 14, 15, 17].

Многие исследователи в Красноярске описывали архитектуру города: стили, строительные технологии, возраст зданий, мотивы декора или формы традиционных зданий, условия возникновения тех или иных объектов [1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Историки рассказали о фактах во времени [2]. Социальные процессы были описаны сибирскими этнографами, историками, но лишь вкратце затронуты архитекторами, чтобы представить контекст архитектуры. В целом, анализ совокупности российских академических работ показал, что история сибирских городов достаточно хорошо изучена и описана, как и развитие сибирского жилья. Однако трудно, если вообще возможно, найти концептуализацию существующей городской ткани и модели ее развития как организма, с точки зрения архитектора, который воспринимает ткань как взаимосвязанные социо-культурные и физические явления; вместо этого элементы ткани, в основном, рассматриваются дискретно. Таким образом, следует сместить акцент с историографии на логику изменения отношений между элементами во всех масштабах – от масштаба здания до масштаба ткани, чтобы обеспечить возможность определять «сигналы» и «читать городской организм». В данном исследовании предлагается использование методологического аппарата типоморфологии для выявления коннотаций и внутренней логики изменения отношений между взаимосвязанными составляющими организма «город». Согласно базовым принципам типоморфологии, необходимо перезапустить исторический процесс, который был прерван радикальными архитектурными интервенциями, изучив специфику

генезиса исторической среды на протяжении истории формирования данного города. Данное исследование предлагает определить, концептуализировать исторический процесс методами городской морфологии и чтения городской ткани на примере сибирского города Красноярск.

Методы

Методы городской морфологии предлагают эффективный методологический аппарат не только для выявления городских структур и связанных с ними коннотаций, но и для проектирования их развития [17]. Фундаментальное понятие, лежащее в основе использованного метода, – понятие типа, которое для Колина Роу, например, практически эквивалентно парадигме [18]. Понятие используется и по-разному трактуется во множестве архитектурных школ по всему миру: «объект, обычно определяемый как типичный или типологический и, очевидно, являющийся резервом коллективных воспоминаний... является непреодолимой отправной точкой для исследования». [18, с. 10] Д. Каниджа [11] связывает понятие «тип» одновременно с «апостериорным анализом» и «априорным синтезом»: «В момент гражданской преемственности строители, руководствуясь своим спонтанным сознанием, могут создать объект, бессознательно обусловленный их культурным прошлым. Этот объект будет определен из предыдущего опыта их социального окружения, преобразованного в систему интегрированных когниций, принятых массово для удовлетворения конкретной потребности. Эти когниции уже являются организмом, поскольку они представляют собой интегрированные, взаимосвязанные, самодостаточные или взаимодополняющие понятия с единой целью. Они уже являются предварительным прогнозом того, каким будет конечный продукт, до того, как объект станет физической сущностью. Это относится к любому объекту, произведенному цивилизованным человеком...» [11, с. 45]. Вместе взятые, различные определения сходятся в том, что тип объединяет коллективный опыт в паттерн, теорию или модель. Одним словом, тип – это запись опыта. В исследованиях городской типоморфологии тип является основным понятием и присутствует на каждом из городских уровней и масштабов, что отражено далее в списке базовых взаимосвязанных понятий, введенном Джанфранко Каниджей (рис. 1) [11]:

1. Матричный маршрут (Matrix route) – это исходный маршрут (дорога), существовавший до начала строительства поселения, ставший важнейшим маршрутом в иерархии города.
2. Маршруты строительства (Building routes) являются иерархически подчиненными последователями матричного маршрута. Они часто перпендикулярны ему и появляются в момент разрастания застройки в глубину.
3. Узел (node) является единственной точкой, определяемой пересечением двух континуумов (например, маршрутов). Уровень пересекающихся континуумов определяет уровень узла в иерархии по отношению к масштабу.
4. Полюс (pole) является «сублимацией» термина «узел», в целом определяется наличием большего количества континуумов, не столько пересекающихся, сколько берущих начало от полюса. Различие между узлом и полюсом зависит от масштаба считывания. Полюс (от латинского *polus*), таким образом, указывает место встречи или происхождения маршрутов, вызывая прогрессивную специализацию городской ткани. Уровень «поляризации», как меры притяжения и ориентации городской ткани, может определить характер «организма».
5. Благодаря соединению двух полюсов напрямую тогда, когда ткань уже сформирована, возникают «маршруты перестройки» (Restructuring routes) и предполагают обширные сносы и переопределения формы участков вдоль маршрута, в зрелых городских организмах, где формируются новые полюсы, создавая новые требования к их соединению. Таким образом, это «травматические» маршруты, их изучение имеет решающее значение для понимания перехода к современности во многих городах [11].

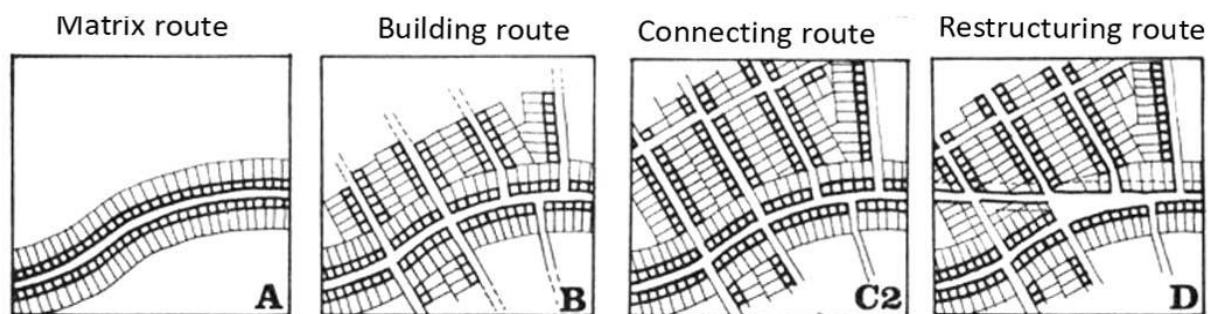

Рис. 1. Схемы типов маршрутов (Д. Каниджа)

Элементы ткани в целом можно разделить на базовые и специализированные. Приведенный список не является исчерпывающим, описывая исключительно основные типы – составляющие структуры, представленные в данной работе. Помимо данных понятий существуют также понятия «базовый тип» (base type, base building), «специализированное здание» (specialised building) – элементы ткани маршрутов. Приведенное в данной работе описание затрагивает развитие основного каркаса города – систему иерархически связанных точечных и линейных пространственных явлений, структурирующих ткань города, «скелет», заполнение которого – единицы ткани разного масштаба. Динамика развития иерархии данных органических элементов – единиц заслуживает отдельного описания и представлена в статье «Типоморфология центра Красноярска. Часть 1. Элементы исторической городской ткани».

Таким образом, данное исследование предлагает выявление исторических социально-пространственных городских структур и их денотаций и коннотаций, используя методы чтения городской ткани типоморфологии, которая дает определения таким структурам и описывает модели их развития [17], а также способы применения полученных знаний в проектировании. Примечательно то, что кратко представленная выше терминология и принципы взаимосвязей между типами доказали не только свою устойчивость во времени, но и были дополнены в дальнейших и параллельных исследованиях, привнесших такие понятия, например как fringe belt (Conzen определил «Fringe belt» как «поясоподобную зону, происходящую из временно неподвижной или очень медленно отступающей периферии города, состоящую из характерной смеси объектов, изначально занимающих периферийное положение» [13]), супер-сеть («supergrid», регулярная иерархическая сеть улиц современного города [16]), явление «антиполярности» (противоположность полюса, городская периферия, пустота) и т. д. Вклад городской морфологии не ограничивается описанием европейских традиционных поселений. Предложенные принципы показали свою действенность и релевантность как для анализа исторических городов разных регионов востока (Китай, Иран и т.д.), так и для относительно новых колониальных городов Канады и США. Это позволяет говорить о том, что подход описывает процессы, характерные для человека в принципе, не зависимо от культурной принадлежности, и одновременно позволяет вычленять особенности, характерные для локальных культур.

Аналитическая часть

Городская морфология начинается изучение города как организма с определения характеристик территории, которую выбрали первые жители – с направления ветров, расположения естественных границ, рек, рельефа, температур, почвы и т.д., все эти факторы определяют первые рукотворные элементы: размеры, ориентацию и конфигурации участков, расположение и плотность застройки, соотношение объемов и пустот, общественные и частные пространства [11]. Аналогичным образом, как свидетельствует литература [1, 3, 4, 5, 6, 7], выбор места расположения первых сибирских городов, первоначальными формами которых были «остроги», был продиктован не только стратегическими соображениями, но и благоприятными условиями для сельского хозяйства, торговли и рыбной ловли. Возникая на пересечении основных водных и

сухопутных маршрутов, они располагались на удобных, часто возвышенных местах, в местах соединения малых рек с более крупными водными путями. Согласно данным исследователей, основой компактного Красноярска первых веков его существования была свободная (стихийная) планировка территории, учитывавшая его рельеф и функции [7]. Описывая сибирские поселения (можно сказать, что сибирские города начинали свое становление типологически как деревни, выращенные из острогов), Е.А. Ащепков говорил, что местность была решающим фактором в организации городской структуры, отмечая, что синтетическое сочетание свободного плана с регулярным привело к специфике структуры более поздних городов [1]. В случае Красноярска, эту структуру можно описать как «органические элементы, сгруппированные в серийную композицию» согласно типологии Д. Каниджи [11].

Первый острог Красноярска был расположен на высоком берегу реки, что обеспечило наблюдение и защиту, необходимые для выполнения функции охраны и контроля, вписанные в саму идею «острога». Рисунок 2 наглядно демонстрирует соответствие городской формы поселения и первоначального рельефа и ландшафта в целом и в деталях: размещенный на естественной платформе, общий контур исторического центра повторяет естественные границы ее конфигурации. Также, основываясь на данных исторических карт, можно, например, предположить, что в 1775 году город остановился на своей западной границе там, где заканчивалась наиболее плоская часть террасы (в соответствии с геологической картой 1886 г). Можно сказать, что до конца XIX века Красноярск развивался относительно компактно в пределах террасы (сегодняшний центр города), после чего началась более фрагментированная и рассредоточенная фаза развития, которую можно было бы охарактеризовать как коллаж [19] различных «морфологических регионов» [13]. Данная смена морфологического этапа развития, когда город исчерпал ресурсы развития в пределах исторической территории, практически совпала во времени со сменой идеологии (с приходом советской власти). В целом, многие из описанных выше характеристик свойственны для первоначальных поселений в разных точках Земли. Подобные красноярским морфологические характеристики можно найти, например, в Канаде (Квебек, 1608 г).

Рис. 2. Анализ морфологической структуры «Большого острога» (На основании реконструкции Панова Э.М. в комбинации с линиями рельефа плана 1886 г.)

План Красноярска 1748 года (рис. 3) наглядно демонстрирует, как первая крепость трансформировалась в «полярность» - «слияние» главных дорог, которые вели к главным въездам в город – воротам, которые в свою очередь вели к дорогам, соединяющим

Красноярск с другими населенными пунктами (классическая морфологическая схема). На рисунке 3 видно, что с введением регулярной сетки после разрушительного пожара изменились конфигурации, но формирующий принцип остался прежним: примерное положение полюса и узлов, направление главных и второстепенных дорог. Исследователи утверждали, что площадь, расположенная на месте сгоревшей крепости, на стрелке Енисея и Качи, являлась культурным, административным и торговым центром города, что соответствовало определению главной «полярности». Однако, по утверждению В.Л. Ружже [8], продолжающийся с конца XVIII века рост города на запад (рисунок 5 иллюстрирует дальнейший морфологический генезис) и, как следствие, удаленность новых кварталов от старого центра города, спровоцировали появление проекта нового «полюса» на территории «отступающей периферии» с антиполярным характером (Fringe belt, см. ниже). Фактическое появление новой полярности было отложено во времени, но в итоге (в середине XX века, после сноса церкви на Стрелке) на некоторое время вызвало преобразование функции первичного центра в «антиполярную». Оба полюса города демонстрируют в динамике классический пример полярной-антиполярной трансформации. Сегодня почти все исторические здания исторического полюса утрачены, однако полярная функция вернулась на «стрелку» в конце XX века, когда был построен новый комплекс специальных зданий, получивший особое значение. Таким образом, главный исторический полюс демонстрирует устойчивость «полярной» функции, которая сохранялась во времени или возвращалась, несмотря на различные изменения: трансформация полярность-антиполярность только подчеркивает это.

Важный узел существовал у бывшего северного въезда в город. На более позднем регулярном плане место приблизительно соответствует положению одной из первых каменных церквей (рис. 3). Позднее план города стал регулярным, но четыре улицы в этом месте все еще приблизительно (хотя на сегодняшний день и не совсем явно) сходятся: Качинская, Благовещенская (ныне ул. Ленина), Малокачинская (ул. Марковского) и Благовещенский переулок (ныне ул. 9 января). По словам Е.В. Гевель, площадь имела «прострелы» и виды на остров Татышев, реку Енисей, Караульную гору и часовню [3]. Важный узел с доминирующей религиозной функцией потерял свое значение в советский период, когда религия стала подавляться. Феномен демонстрирует то, что именно важные узловые точки и полярности наиболее быстро реагируют на социально-политические изменения.

Городской сад, созданный по указу губернатора А.П. Степанова, с прилегающими территориями, стал западной периферией города 1820-х годов, частью упомянутого выше феномена антиполярности, «fringe belt» или периферийного пояса [10]. Непосредственно за западной границей сада были построены деревянные казармы для солдат и военный лазарет, которые также видны на картах и обозначают антиполярную функцию. Антиполярный характер территории естественным образом надолго отложил фактическое появление нового центра относительно времени появления проекта. Позднее в кварталах, прилегающих к площади Новобазарной, были созданы «гостиные двory» со складами и помещениями хранения, и пространство огромного масштаба (ранее городская пустота), ставшее местом притяжения людей из пригородных деревень и отдаленных населенных пунктов [7, 8], начало превращаться в полюс масштаба метрополии. Однако, несмотря на трансформацию антиполярность-полярность, цепь парков, скверов, промышленных территорий по-прежнему видна на современном плане, демонстрируя устойчивость, характерную для периферийного пояса. На карте 1852 г. (рис. 5) эффект «поляризации» вокруг нового центра стал более отчетливым, будучи отмеченным ориентацией фасадов зданий планируемых усадеб. На карте видна повышенная плотность застройки, которая стала тяготеть к новому полюсу – Новобазарной площади. Позднее, изменившаяся в советский период идеология привела к тому, что огромный комплекс зданий, построенных вокруг площади, был заменен новыми зданиями, соответствующими новой идеологии (подробнее см. статью «Типоморфология центра Красноярска. Часть 1. Элементы исторической городской ткани»). В XX-XXI веках Новобазарная площадь систематически непосредственно отражала важные социально-политические преобразования, что характерно для полярности.

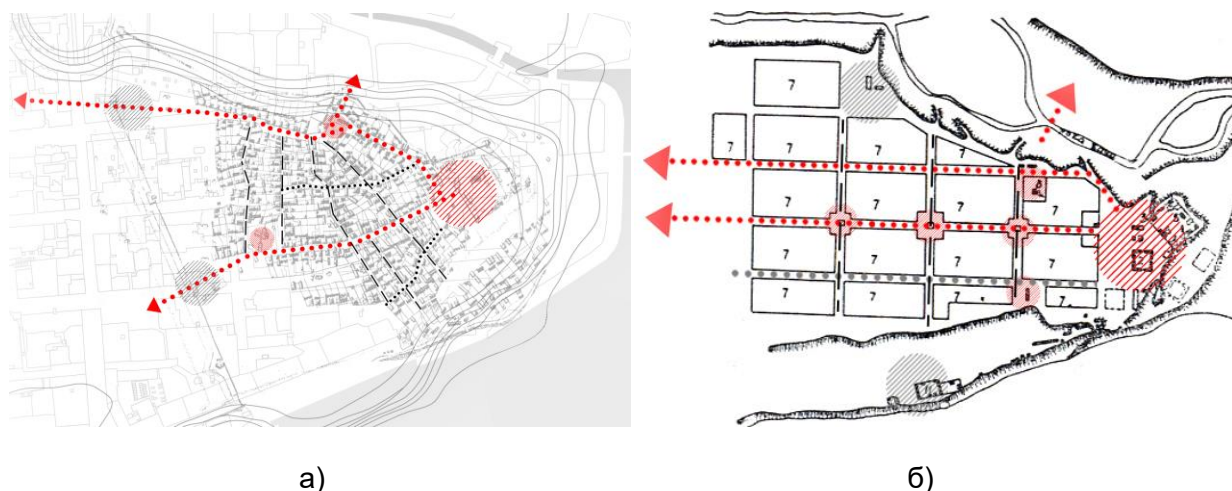

Рис. 3. Красноярск в 1748 и 1773 гг. Иерархическое сходство первой спонтанной и последующей регулярной структуры (условные обозначения - см. рис.2): а) план 1748 г; б) план 1773 г.

Стоит отдельно описать появление в городе «линейного полюса». План 1828 г. предполагал концентрацию основных полярных функций (административных, торговых и религиозных) в двух городских центрах. Два полюса были соединены посредством главной, «матричной дороги» – улицы Воскресенской (ныне ул. Мира). Так как Новобазарная площадь, вопреки плану, довольно долгое время представляла собой городскую пустоту (urban void), что отражено на картах и в работах исследователей [8], общественные здания были рассредоточены между полюсами, тяготея, в основном к улице Воскресенской, образуя «линейную полярность». По мнению историков, городские площади сохранили свои религиозные и коммерческие функции, но основная деловая, торговая и общественная жизнь переместилась на центральную городскую улицу (главный вектор), она быстро застраивалась магазинами, деловыми учреждениями, общественными зданиями, многоквартирными домами и другими крупными объектами [7, 8]. Таким образом, городской центр полностью трансформировался из компактного фокуса в линейный полюс, включающий расположенные на главной оси отдельные узлы (nodes) – элементы старого плана (на пересечении центральной улицы Воскресенской или сегодняшней Мира с перекрестными направлениями, отмеченные положением бывших «пешеходных» площадей – Владимирской и Покровской, где ранее располагались противопожарные бассейны). Данные узловые точки также составляют важную память города. Е.В. Гевель пишет, что главная улица получила, согласно генеральному плану 1852 года, классическую протяженность между Старобазарной и Новособорной площадями – около 2,5 км [3]. Кроме того, пространство улицы получило развитие в глубину благодаря специализации и развитию пересекающих ее улиц (см. далее). Так историческая часть Красноярска приобрела уникальный элемент – линейный полюс, превосходящий по значимости полярные точки, которые он исторически соединяет.

В XIX веке город стал приобретать полицентричность, со сложной системой узлов, антиполярностей и полярностей, что соответствовало возрастающему усложнению жизни и инфраструктуры. Е. Гевель замечает, что в этот период начали формироваться три новые площади, заложенные в плане 1828 года: «Театральная» (ныне стадион «Локомотив»), «Плац-парадная площадь» (Красная площадь) и новая «Острожная» площадь в связи с переносом тюрьмы (район, где пересекаются современные улицы Республики и Робеспьера) [3], далее развивая линейную схему «полярностей» в глубину. В.Л. Ружже говорила, что наряду с развитием новых площадей, были спроектированы локальные центры [8]. Эти новые развивающиеся узлы и полярности обеспечивали ориентацию, отражали систему общественных ценностей посредством характера специализированных зданий. Специализация улиц и локальные ценности отражалась в

названиях улиц – центров социальной жизни, местах расположения основных значимых архитектурных объектов старого Красноярска, что отчетливо видно на исторических картах. Важно отметить, что в социальном отношении полюс имеет идеологическую и экономическую нагрузку и, как правило, «работает» на город или метрополию, а узел – на локальные сообщества: «pole is for business, node is for people» (P. Carlotti, 2020).

Характер изменения и роста узловых и полярных точек важен для рассмотрения, так как формирует представление о характере роста городского организма. Возрастающая социальная значимость данных городских элементов морфологически заметна и читаема. Например, на месте значительного современного урбанистического «полюса» – комплекса площадей и зданий на левом берегу Енисея у современного коммунального моста (ул. Вейнбаума), вместо усадеб плана 1828 года (рис. 5), на плане 1852 года (рис. 5) расположена городская пустота (будущая «дровяная площадь»), место напоминает по своему характеру бывшую периферию и антиполярность. Карта 1886 г. показывает появление на этом месте новой площади (снова полярная-антиполярная трансформация). Позднее, в конце XX века, когда на двух концах современной улицы Вейнбаума появились два моста (мост – определяющий морфологический элемент, поляризующий ткань), площадь превратилась в важную полярность со зданиями театра, городской администрации, ресторана и гостиницы (снова классический прецедент антиполярной/полярной трансформации). Интересно, что на карте 1906 года относительно новый узел – Плацпарадная площадь – пространственно не соотносился ни с осями, узлами или полюсами геометрически, ни с железнодорожным вокзалом, который находился неподалеку. Однако железнодорожный вокзал был соединен прямолинейной улицей с вторичным возникающим полюсом – дровяной площадью. Можно предположить, что причина в том, что эти функции воспринимались как связанные и «внешние» по отношению к историческому ядру города, расположенному на окраине, за бывшим «fringe belt», формируя соединенные «внешние» узлы. Они были хорошо связаны с городом, но не обладали характеристиками центральности.

Планировочная структура города в начале XX века становилась еще более сложной, а внутреннее городское пространство постепенно менялось и становилось все более плотным. Однако и этот период все же был отмечен морфологической преемственностью и напоминал рост «организма». В советский период новые «полярности» появились как естественное продолжение прежней городской иерархии. Структурно, в пределах иерархии в 1942-64 гг. ничего существенно не изменилось, почти все новые разработки продолжили установленный процесс формирования со своей системой узлов и полюсов на стратегическом уровне. Что касается существующих узлов и полярностей, на карте видны новые важные узлы вдоль второстепенных дорог, которые ведут к мостам через Качу или другим важным узловым элементам. Все это можно также описать процессами постепенной «поляризации» ткани. К концу XX века старые «полюсы» и «узлы» были «обновлены», а иногда и полностью перестроены новыми специализированными зданиями и комплексами, отражающими идеологические принципы и дух времени. Можно сказать, что основные социально-политические изменения были отражены именно в структуре и составе «полярностей»: идеологические изменения после революции 1917 года значительно затронули полярности города. Так, например, церковь в центре площади «Новобазарная», здание торгового «Пассажа» были разрушены как носители старых ценностей. Площадь была переименована в честь революции. Архитекторы начали проектирование комплекса новых административных зданий, в т.ч. «Дома Советов» прямо на месте бывшей церкви. По словам исследователей, главные специализированные здания планировались как развитие важных центров – узлов и полюсов на бывшей периферии: планировались здания главного почтамта, магазинов; проектировались культурно-просветительские комплексы, в том числе театр, консерватория, картинная галерея, библиотека [8].

После рассмотрения иерархии узловых и полярных точек, важно перейти к иерархии линейных элементов. На первом, спонтанном, этапе развития города, по мере укрепления связей с другими городами – Томском, Тобольском, Енисейском, Иркутском, развивались

главные внутригородские улицы Красноярска [9]. К сожалению, планировка города 1748 года физически не сохранилась, но, опираясь на графическую реконструкцию, предоставленную Э.М. Пановым (рис. 2), можно различить симптомы процесса формирования «спонтанного» города, сходные с описанием Д. Каниджи (на примере формирования итальянских городов) [11]. Средняя, самая непрерывная и широкая дорога, идущая от небольшой крепости до ворот западной городской стены, могла бы считаться «матричной»: преобладающее количество участков, включая угловые, на рисунке ориентированы на нее главными сторонами. Ортогональные дороги получили характеристики «building roads», согласно морфологической классификации, с учетом ориентации и внутренней организации усадеб. Противоположные их концы, по-видимому, соединены «соединительными маршрутами», которые менее регулярны. Дорога, идущая вдоль реки Кача, может являться еще одной «матрицей», которая также соединяет «полюс» и выезд из города, а также узел, находившийся рядом. С развитием города в западном направлении ведущая роль отводилась улицам, параллельным Енисею, что соответствовало направлению роста города [6, 8]. Этот принцип определил будущую планировку существующей центральной части города.

Новоспланированный город 1775 года (рис. 3) охватывал современную восточную территорию центральной части города, от места слияния рек Енисей и Кача до современной улицы Вайнбаума, которая видна на карте: основой плана была прямоугольная сетка улиц, характерная для новых городов Сибири в конце XVIII века (обычно посылалась из столицы). Регулярность в этом случае можно рассматривать как утверждение централизующей власти и идею освоения территории. Развитие города с 1770-х годов в определенной степени предопределило сегодняшнее состояние центра Красноярска. Расположение некоторых первичных улиц определялось прежним расположением важных элементов, например, городских стен (ул. «Раздельная-Поперечная», сегодня ул. Парижской Коммуны [3]), что является важной памятью города. Важно подчеркнуть, что первый регулярный генеральный план Красноярска во многом унаследовал морфологические особенности предыдущего стихийного поселения: значение, роль и иерархию главных улиц, планировку кварталов, расположение главных полюсов и узлов, отношения с природными особенностями территории, но интерпретировал их более регулярно. Регулярный план определил основное направление роста города с востока на запад, и значение широтных улиц как основных в городской системе, количество основных меридиональных улиц увеличивалось в западном направлении по мере роста старого города, развивая заданный модуль. Можно сказать, что на стратегическом уровне, принципы сохранились, изменилась лишь конфигурация. Все описанное выше стало для Красноярска своеобразным модулем или принципом планирования.

В целом, согласно теории морфологии [11], «planned» (спланированный) город можно рассматривать, морфологически, как частный случай спонтанного городского организма, который содержит определенную степень органичности: "В рамках условно установленного типа и целостной системы отношений этот термин описывает систему внутренних отношений между различными частями, составляющими целое. В результате сборки системы может получиться "серийное" целое, где элементы идентичны друг другу и имеют взаимозаменяемое положение, или "органическое" целое, компоненты которого имеют различные формы и взаиморасположение. Если рассмотреть внимательнее, то можно выделить четыре различных степени органичности в застроенном пространстве: случайная или спонтанная серийность, при которой серийные элементы взаимно расположены так, что образуется органическое целое; систематическая серийность, в которой серийные элементы образуют серийное целое; **эпизодическая органичность, с органическими элементами, взаимно формирующими серийное целое**; полная органичность, в котором органические элементы взаимно расположены так, что образуют органическое целое" (перевод автора) [11]. В Красноярске органические элементы сгруппированы в серийный план, конструкция тканей внутри сетки в значительной степени спонтанна, органична (рис. 5). В этой системе органическими элементами являются кварталы и участки внутри кварталов, имеющие часто нерегулярную форму и взаимное

положение, а также хаотичное, спонтанное наполнение каждой усадьбы, каждого двора (рис. 4в), в то время как жесткая ортогональная сетка улиц организует жесткий структурный серийный план. Для сравнения, генеральные планы города 1828 года и 1852 года демонстрировали серийные элементы, сгруппированные в серийную композицию. Принцип сохранялся как доминирующий вплоть до 60х годов XX века, что подтверждает аэрофотоснимок 1967 года.

а)

б)

в)

г)

Рис. 4. Фрагмент исторического центра Красноярска: а) фрагмент плана 1828 г.; б) 1852 г. – серийные элементы плана города, образующие серийную композицию; в), г) 1967 г. – органические, спонтанные элементы, формирующие серийное целое

Главная иерархия морфологических элементов читается на плане 1828 г.: улица Воскресенская, матричная дорога с характеристиками линейной полярности, отмечена ориентацией фасадов главных зданий усадеб. Вторичные («building») дороги, перпендикулярные «матричной», в основном, соответствуют боковым граням вновь прорисованных участков. Угловые усадьбы (узловые точки) часто обозначаются

специальными угловыми L-образными зданиями и ориентированы на «матричный маршрут». Процесс «поляризации» и формирования полицентричности затронул соответствующие второстепенные улицы, которые пространственно дополнили главные, расширив торгово-коммерческую зону и создав дополнительные удобные пешеходные пространства [20]. Эффект виден уже на карте 1828 г.: например, усадьбы, расположенные на второстепенных дорогах, перпендикулярных главной улице, были ориентированы на эти улицы, если на них размещались специальные («поляризующие») здания, примыкали вторичные развивающиеся узлы и полюсы, что повышало значимость этих улиц (подробнее см. статью «Типоморфология центра Красноярска. Часть 1. Элементы исторической городской ткани»). Эффект можно было наблюдать вокруг запланированной площади Плацпарадная, Театральной площади, Архиерейского переулка. Часть общественных зданий стала распространяться и вдоль современной улицы Вейнбаума, которая (в паре с соседней современной улицей Перенсона) приобретала все большее значение в связи с появлением на ее южной оконечности нового полюса, что усилило меридианное направление развития города в указанный период. В. Горбачев утверждает, что улицы были не равны, а статус главной улицы был подчеркнут наличием тротуара и внешним видом каменных зданий, существовала социальная иерархия [5]. Названия улиц в этом случае отражают коллективную идентичность: на карте 1906 года они соответствуют назначению соседних узлов и полюсов, специализации улицы или назначению расположенных на них специализированных зданий. Значение этих улиц в тот момент могло быть даже выше, чем значение улиц, параллельных главной оси: если посчитать на разных картах специализированные здания вдоль условных участков одинаковой протяженности, то часто количественно выигрывают меридиональные улицы. Это может быть вызвано возрастающим значением вторичных «полюсов» в направлении Юг-Север, которые притягивают городскую жизнь и плотность: Покровская улица (сегодня ул. Сурикова) «поляризуется» «узлом» Покровской церкви. Гимназический переулок (нынешняя улица Вейнбаума) – гимназией, Театральный (ныне Кирова) – Театральной площадью и театром, и др. Два из этих переулков (Почтовый и Покровский), богатых каменными и специализированными сооружениями и важными узлами, вели к мостам через реку Кача, которые существуют и по сей день (как следствие – неизбежная «поляризация»). Этот эффект чередования значимости широтных и меридиональных улиц можно назвать одной из характерных черт развития Красноярска (нельзя однозначно определить «building roads» и «connecting roads»).

Конец дореволюционного периода представляет собой конец морфологической преемственности города с точки зрения названий улиц, масштабов, понятий приватное - публичное в пространстве. До этого периода город развивался как организм, несмотря на свою регулярность. Революция и советская власть принесли с собой переименование топонимов, процессы реструктуризации и изменения идентичностей и социальных смыслов. Стратегический рост структуры был задан советской системой. Из исторического патриархального города Красноярск постепенно превращался в промышленный город, что влияло на масштаб, представления о пространстве, наименование улиц и мест, понятие частной собственности и т.д. Большинство улиц того времени были названы в честь революции, ее знаков и героев. Однако, несмотря на процессы реструктуризации, центр города планировался на основе «закрытой» системы, заложенной в прошлом; прежняя роль главной улицы снова принадлежит Мира, с концентрацией на ней транспортных, административных и общественных, культурно-просветительских, коммерческих учреждений и жилых зданий [8]. На основании существующей системы в советский период начало развиваться понятие «супер-сеть», характерное для современных городов («supergrid») [16].

Стоит остановиться отдельно на городской периферии и антиполярных территориях. Как говорилось ранее, в начале XIX века территорию, занятую новым парком и прилегающими территориями в Красноярске, можно было считать городской окраиной (которая впоследствии была преобразована в цепочку площадей и парков, а также промышленных территорий, большая часть которых сохранилась до сих пор [9]). «Fringe belt» далее был охвачен городом (который «перешагнул» его в процессе роста, сохраняя масштабы

незастроенных пространств пояса), что характерно для развития этого явления. Пустынная огромная территория новой рыночной площади сохранялась в незастроенном состоянии на протяжении XIX в и в начале XX в. Берега реки еще в 1828 г. соответствовали периферии, что видно на карте из-за концентрации военной, складской и производственной функций. План 1852 года также определил расположение промзон, плановых заводов на реке Кача. Таким образом, к кольцевой периферии компактного города относились берега рек и территория на западной границе, которая включала парки, военный городок, огромную городскую пустоту, кладбище и церкви. В. Ружже говорила, что строительное управление Енисейского губернского правительства предложило внести изменения в план, утвержденный 11 августа 1855 года, предлагалось занять земли, расположенные в черте города, но ранее считавшиеся непригодными для застройки – районы у берегов реки Кача [8]. Проект генерального плана предусматривал размещение заводов и кладбищ за пределами жилой части – на противоположном берегу Качи и за пределами северной черты города. Так, «Fringe belt» и окраинные территории постепенно начали менять свой характер. В конце данного периода военный городок был окончательно перемещен. Однако размещение, например, промышленных объектов, которое планировалось до начала Второй мировой войны, не пошло по плану. В результате многие объекты появились, в частности, в пределах периферийного полюса, фрагментируя среду. Например, радиозавод за центральным парком, на месте бывшего военного городка; фабрика «Квант» на месте бывшего церковного кладбища и т.д. Их расположение скорее подчеркивало устойчивый характер городской периферии или «fringe belt». Исследователи единодушно отметили, что железная дорога – новый периферийный пояс – повлияла на развитие города, находясь у подножия горы Афонтовой. Это – часто встречающийся пример сочетания естественного и искусственного «барьеров».

Красноярск всегда реагировал на изменения, происходившие в столице, с некоторой задержкой, в том числе, морфологически. Несмотря на общую преемственность, некоторые процессы реструктуризации начались в начале XX века, что было особенно заметно на левом берегу реки Енисей. Постепенно был пересмотрен «антиполярный» характер берегов рек. Естественный берег Енисея постепенно, шаг за шагом, превращался в набережную – место притяжения – с дорогой и специализированными сооружениями: в районе набережной, в квартале между Дубенским и Покровским переулками (сегодня улицы Парижской коммуны и Сурикова), появились здания городских и полицейских управлений, а на самом берегу Енисея по-прежнему располагались причалы парохозяйства. На плане 1906 г. видно, что вдоль существующей набережной проходила улица Береговая, которая на восточной границе городского сада соединялась с улицей Садовой. Участок набережной между Гимназийским и Почтовым переулками (сейчас улицы Вейнбаума и Перенсона) все еще оставался неразвитым, по утверждению исследователей, из-за песчаного грунта [14], а на плане здесь указан склад дров. На юго-западной окраине города, недалеко от охранной зоны Сибирской железной дороги, вдоль берега Енисея находился военный городок, мелкие заводы. Довольно прагматичные изменения частично разрушили прежние связи с природной средой, что видно на картах берегов реки. Например, постепенно было разрушено такое структурное явление, как «взвоз» – «пандус», поднимающийся от реки. Однако сохранились такие важные черты города, как визуальная связь с природой и открытые перспективы. Реструктуризация на берегу реки продолжилась и после Второй мировой войны: новый мост был открыт в 1961 г. В середине 1960-х гг. были проведены работы по благоустройству на участке от речного вокзала до улицы Ф.Э. Дзержинского, позднее началась реконструкция Центрального парка, в результате которых он вновь получил выход на берег Енисея, согласно исследованиям [10]. Две улицы, которые соединяли новую мостовую площадь с парком (Береговая и Садовая), были перестроены и изменили направление. Структурно, в советский период, развитие периферии завершило центральную часть нового Красноярска, периферия преимущественно изменила свое антиполярное поведение на полярное, на набережной появились реструктурирующие маршруты.

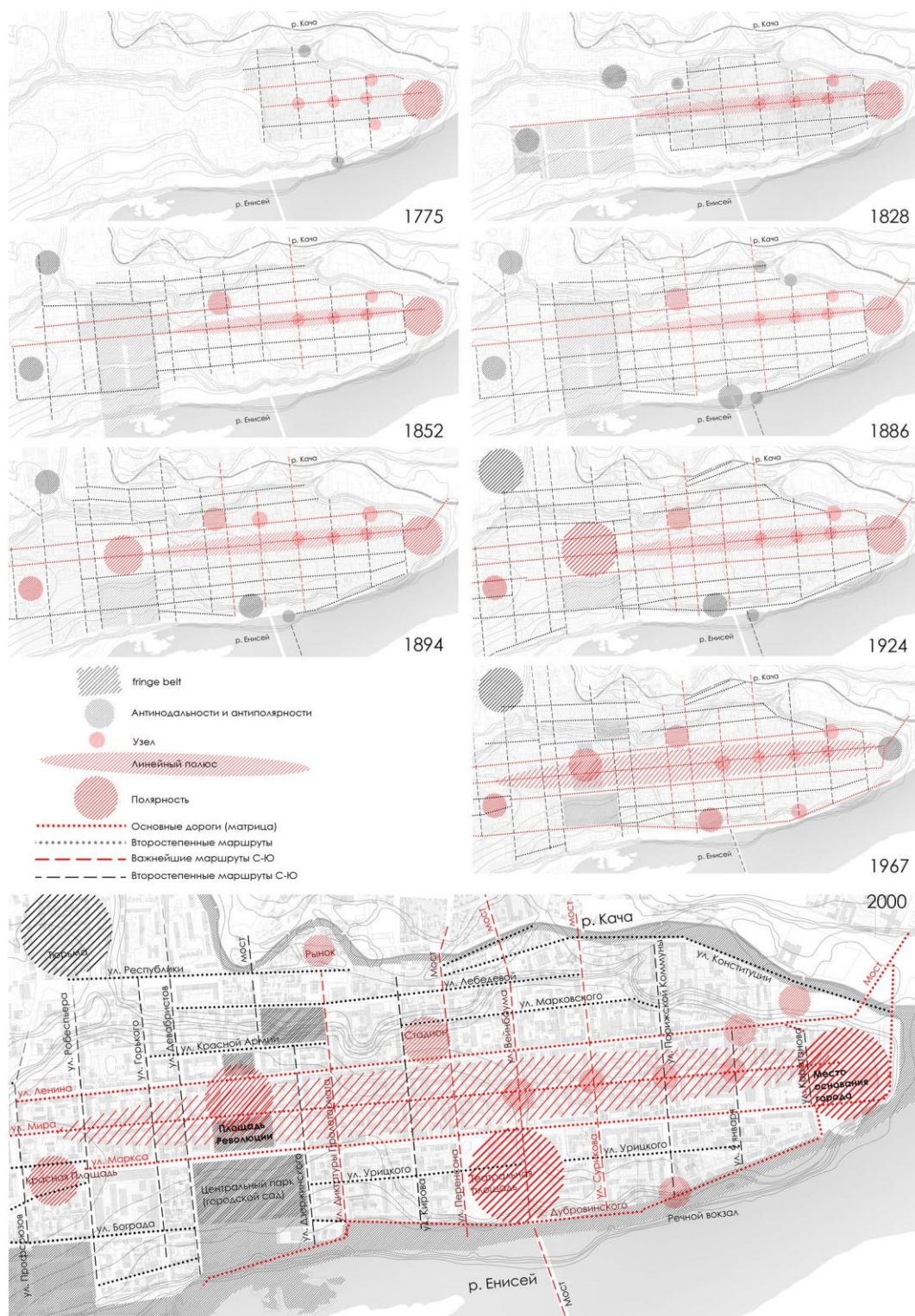

Рис. 5. Красноярск. Развитие структуры

Аэрофотосъемка 1967 г.² показала физическое состояние Красноярска – результат предыдущего периода. На съемке можно выделить непрерывные улицы Урицкого и Богграда, которые сейчас являются лишь переулками на карте города, подвергшиеся процессам перестройки позднего советского периода. Улица Богграда была непрерывной, что было хорошо видно между улицами Диктатуры и Вейнбаума. Сегодня она исчезает в кварталах. Однако ее конфигурация до сих пор отражается во внутренних пространствах,

² URL: <https://maps.kosmosnimki.ru/api/index.html?60e> (дата обращения 14.02.2022).

где можно найти старые усадьбы с усадебными постройками, сохранившиеся между высокими бетонными блоками многоэтажных домов. В целом, не так много улиц изменили положение и конфигурацию, за исключением улицы братьев Абалаковых и Профсоюзов, которые также соответствовали периферии. Улица Лебедевой была остановлена на пересечении с улицей Горького, далее проходя по кварталам и отражаясь на конфигурации существующих участков. Бывшая улица Кузнечная полностью исчезла в связи с расширением жилых кварталов. Некоторые следы бывших улиц и усадеб также до сих пор видны во дворах крупных советских кварталов в виде каменных брандмауэров, заборов, полуперестроенных стен старых зданий.

В недавний период было проведено множество экспериментов, связанных с оптимизацией сети дорог, в том числе увеличение ширины улиц, изменение направления движения. Однако базовая структурная иерархия осталась неизменной, с редкими исключениями. В существующую сеть исторических улиц была органически включена гиперсеть непрерывного движения [16], соединявшая центр города с новыми районами. Суммарно морфологическое развитие структуры Красноярска показано на рисунке 8.

Результаты и выводы

Итак, структура Красноярска представляет собой «органические элементы, сгруппированные в серийную композицию» согласно типологии Д. Каниджи [11]. Интересно, что первоначальная «стихийная» структура была полностью заменена структурой регулярной, но с сохранением ее свойств на стратегическом уровне. Приблизительно можно сказать, что в регулярной сетке преобладало и доминировало широтное направление улиц. Однако, зачастую, по мере развития города, меридиональные направления могли структурно доминировать над широтными, приобретая особый статус и значимость. Поэтому с уверенностью нельзя выделить в структуре явления «building roads», «connecting roads», можно предположить, что «building roads» в растущей структуре города складывались и параллельно, и перпендикулярно главной улице – линейному полюсу, что не характерно для традиционного города, но встречается также в других регулярных городах, таких, как например Квебек в Канаде. Кроме того, несмотря на особенности советского периода, как таковых реструктурирующих улиц, которые обычно радикально меняют существующую ткань, в городе также нет, что может свидетельствовать о более деликатном органическом развитии ткани, процессы радикальных изменений встраивались в существующие структуры: укрупненные единицы, например, формировались в границах существующих улиц. Так, в масштабе структуры исторического центра наблюдалась относительная преемственность. В целом, развитие структуры в Красноярске хотя и возможно описать в терминах городской морфологии, но с достаточно выраженными отступлениями от основных правил развития спонтанного традиционного города. Отступления как раз и характеризуют городскую структурную идентичность.

Полярность – это одно из важнейших социальных и морфологических понятий, которое отвечает за пространственную «устойчивость» (sustainability) структуры (сами полярности устойчивы во времени, но их наполнение существенно меняется с изменениями в социальной, культурной и политической сферах), передает традиции и смыслы, социальные и культурные ценности и идеологии, символы власти и симптомы анархии, приоритеты, которыми руководствуется общество. Взаимосвязь между полярностями как конечными точками и «слияниями» потоков информации, потоков людей, финансов и товаров, определяет специфику городской структуры, ее природу и рост. Полярное положение зданий влияет на их архитектуру, как и архитектура влияет на полярность, полярностью определяются специфика архитектурного языка и структуры, видимость и присутствие, высота, ориентация входов, уровень публичности, используемые материалы, масштаб и функции здания, характер окружающих тканей и др. Функция зданий, расположенных в полярных точках, существует в координации с городской тканью и «посланиями» от предшественников. Полярность определяет городские приоритеты. В целом, несмотря на регулярность планировки, развитие системы полярностей в

Красноярске сходно с классическим принципом, описанным в городской морфологии на примере роста городов Италии, но применимым к разным культурным ландшафтам и территориям. Однако, Красноярск отличает, например, феномен формирования линейного полюса, расположенного вдоль улицы Мира, между улицами Маркса и Ленина, который при наличии двух классических точечных полюсов, превосходил их исторически и превосходит по прежнему по значимости, концентрации исторических зданий и специализированных функций, способствуя сохранению целостности, «монолитности» исторической части города и читабельности ее исторической структуры.

Теоретики типоморфологии предлагают ряд базовых понятий, описывающих явления, которые можно найти в большинстве городов совершенно разных культур, и характер поведения данных явлений. Этот базовый ряд может и должен быть дополнен рядом локальных явлений, характерных исключительно для описываемой локации. В целом, описание исторической территории в терминах типоморфологии предлагает «канву» или опорную модель для прогнозирования и проектирования развития этой территории с учетом преемственности. Будучи использованным в качестве методики предпроектного анализа, метод чтения городской ткани в терминах городской морфологии многократно доказал свою ценность для проектов развития исторических территорий городов: например, могут быть определены выбор положения, внутренней структуры, ориентации и количества входов здания, последовательность развития внутренних и внешних общественных пространств проектируемого здания и т.д. Еще один важный пример, уровень поляризации структуры отражает социальную структуру общества: так, в высокополяризованных городах, где функции максимально сосредоточены в районе главного полюса, можно наблюдать централизацию управления и доминирование крупного бизнеса. Напротив, в городах с демократической структурой и опорой на малый бизнес наблюдается полицентричность и рассредоточенность структуры, приоритет понятия «полюс» относительно понятия «узел» читается менее отчетливо. Это свойство можно учитывать при проектировании развития структуры: если город ориентирован на жителей и развитие локальной культуры, нужно отдавать приоритет развитию локальных узлов.

Заключение

Данная работа направлена на демонстрацию возможностей типоморфологии для предпроектного анализа исторических поселений. Историко-культурное наследие составляет «летопись» истории города, воплощенную в его физической ткани, и играет важную роль при изучении человеческого общества, этапов его развития, изменения мировоззрений, политических и экономических условий и т.д. Градостроительные решения и архитектурные пространства являются материальным источником информации, достоверным ввиду специфики данных объектов. Можно говорить о большом потенциале физической ткани города как отпечатка комплекса мер, принятых когда-то в соответствии с актуальными на тот момент времени решениями существовавших задач. В данной работе показано, как типоморфологический анализ позволяет выявить исторический каркас города, описать его развитие.

Городская морфология в целом и типоморфология в частности предлагают широкий спектр литературы, формируемый учеными по всему миру и описывающей характер поведения морфологических элементов городской ткани, методики предпроектного анализа, построения моделей развития территорий, а также методы создания проектов неразрушающего развития исторической среды на основе такого анализа [17]. Использование слова «чтение» в названии метода принципиально важно: метод прежде всего помогает формулировать гипотезы на основании анализа карт и физической ткани города, далее гипотезы могут быть либо напрямую применены в проектировании, либо служить основой для более глубокого изучения (анализ архивных материалов и т.д.). Чтение осуществляется на основании описанного в литературе характера поведения морфологических элементов городской ткани.

В данной работе рассмотрено описание процесса морфологического формирования городской структуры исторического центра сибирского города на примере Красноярска. Принципы и модель, предложенные в работе, могут информировать архитектурные и градостроительные проекты неразрушающего развития исторической территории, помогать при принятии решения о размещении здания, о его объемно-пространственном, конструктивном решении и функциональном наполнении, помочь в разработке генерального плана, проектирования благоустройства, и др. Работа демонстрирует удобство метода и его эффективность при сокращении времени на выявление связей между объектами и территориями, при анализе исторических контекстов. Модель, получаемая в результате анализа, позволяет быстро воспринимать информацию в удобной форме. Работа важна с точки зрения введения в методику предпроектного анализа метода, эффективность которого наглядно доказана в представленном материале, и для расширения инструментария теории архитектуры, а также введения в научный оборот новых сведений.

Благодарности

Автор выражает благодарность профессору римского университета Сапиенца, Паоло Карлотти (Dr. Prof. Paolo Carlotti, Sapienza Universita di Roma) за знакомство с методикой и руководство при проведении исследования.

Источники иллюстраций

Рис. 1. [11].

Рис. 2. анализ автора статьи на основании материалов реконструкции Панова Э.М. в комбинации с линиями рельефа плана 1886 г.

Рис. 3. а) анализ автора статьи на основании реконструкции Панова Э.М. в комбинации с линиями рельефа плана 1886 г.); б) анализ автора статьи на основании иллюстрации [8].

Рис. 4. а) б) материалы из архива КККМ; в), г) URL:

<https://maps.kosmosnimki.ru/api/index.html?60e> (дата обращения 14.02.2022)

Рис. 5. анализ автора статьи на основании материалов из архива КККМ.

Список источников

1. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в восточной Сибири. Москва: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1953. 290 с.
2. Быконя Г. Красноярск: от прошлого к будущему: Очерки истории города / Г. Быконя, Ю. Кирюшин и др. / ред. коллегия Г.Ф. Быконя, В.В. Куимов, П.И. Пимашков, В.И. Федорова. Красноярск: РАСТР, 2013. 640 с.
3. Гевель Е.В. Образ города в Красноярском урочище. Красноярск: ЛАД, 2012. 230 с.
4. Горбачев В.Т. и др. Градостроительство Сибири / под общ. ред. Царева, В.И. // Рос. акад. архит. и строит. наук, НИИ теории и истории архит. и градостроит. НИИТИАГ РААСН. Санкт-Петербург: Коло, 2011. 784 с.
5. Горбачев В.Т. Архитектура сибирских городов XIX - начала XX века (опыт малоэтажного строительства). Санкт-Петербург: Коло, 2016. 152 с.
6. Меркулова М.Е. Деревянная застройка Красноярска XIX - нач. XX в. / М.Е. Меркулова, М.М. Меркулова. Красноярск: СФУ, 2013. 141 с.
7. Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. Ленинград: Стройиздат, 1980. 272 с.

8. Ружже В.Л. Красноярск. Вопросы формирования и развития. Красноярск: Книжное изд-во, 1966. 196 с.
9. Царёв В.И. Набережная сибирского города: этапы формирования (на примере г. Красноярска) / В.И. Царёв, Е.К. Захарченко // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2017. № 5 (64). С. 9-28.
10. Царёв В.И. Центральный парк в городе Красноярске: история формирования и архитектурно-планировочные преобразования / В.И. Царёв, В.Л. Чобанян // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 7. С. 281-287.
11. Caniggia G., Maffei G.L. Architectural composition and building typology: interpreting basic building. Alinea, 2001. 252 с.
12. Carlotti P. The Implicit Project in the Urban Form // U+D_urbanform and design. 2021. №14. С. 156–661.
13. Conzen M.R.G. Alnwick, Northumberland: a study in town-plan analysis // Transactions and Papers (Institute of British Geographers). 1960. № 27. С. 111-122.
14. Levy A. Urban Morphology and the Problem of the Modern Urban Fabric: Some Questions for Research // Urban Morphology. 1999. № 2 (3). С. 79–85.
15. Maretto M. Perché la Morfologia Urbana? // U+D_urbanform and design. 2014. № 1(1). С. 62-63.
16. Moudon A.V. Introducing Supergrids, Superblocks, Areas, Networks, and Levels to Urban Morphological Analyses // Iconarp International J. of Architecture and Planning. 2019. № Special Issue 'Urban Morphology' (7). С. 01–14.
17. Oliveira V. Morphological Research in Planning, Urban Design and Architecture. Springer International Publishing, 2021. С. 1–15.
18. Rowe C. Program versus Paradigm: Otherwise Casual Notes on the Pragmatic, the Typical, and the Possible // As I was Saying: Cornelliana. 1996. С. 7–41.
19. Rowe C., Koetter F. Collage City. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1978. 100 с.
20. Whitehand J.W.R., Gu K. Conserving Urban Landscape Heritage: A Geographical Approach // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2010. № 5(2). С. 6948–6953.

References

1. Ashchepkov E.A. *Russkoye Narodnoye Zodchestvo v Vostochnoi Sibiri* [Russian Folk Architecture in the Eastern Siberia]. Moscow, 1953, 290 p.
2. Bykonya G., Kiryushin Y. et al. *Krasnoyarsk: ot Proshlogo k Buduschemu. Ocherkilstorii Goroda* [Krasnoyarsk: from the Past to the Future: Essays on the History of the City]. Krasnoyarsk, 2013, 640 p.
3. Gevel E.V. *Obraz Goroda v Krasnoyarskom Urochische* [The Image of the City in Krasnoyarsk Urochische]. Krasnoyarsk, 2012, 230 p.
4. Gorbachev V.T. et al. *Gradostroitelstvo Sibiri* [City-building in Siberia]. Russian Academy of Architecture and Civil Engineering Sciences, Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning. St. Petersburg, 2011, 784 p.

5. Gorbachev V.T. *Architectura Sibirskikh Gorodov XIX - Nachala XX Veka (Opyt Maloetazhnogo Stroitelstva)* [Architecture of Siberian Cities of XIX - Early XX Century (the Experience of Low-Rise Construction)]. St. Petersburg, 2016, 152 p.
6. Merkulova M.E., Merkulova M.M. *Dereviannaia Zastroika Krasnoyarska XIX - Nachala XX v.* [Wooden Construction of Krasnoyarsk in XIX - the Beginning of XX Century]. Krasnoyarsk, 2013, 141 p.
7. Ogly B.I. *Stroitel'stvo gorodov Sibiri* [Construction the of Cities of Siberia]. Leningrad, 1980, 272 p.
8. Rouzhzhe V.L. *Krasnoyarsk: Voprosy Formirovaniia i Razvitiia* [Krasnoyarsk: Issues of Formation and Development]. Krasnoyarsk, 1966, 196 p.
9. Tsarev V.I., Zakharchenko E.K. *Naberezhnaia Sibirskogo Goroda: Etapy Formirovaniia (Na Primere Krasnoyarska)* [Embankment of Siberian City: Stages of Formation (Krasnoyarsk Case Study)]. Bulletin of the Tomsk State Architectural and Construction University, 2017, no. 5(64), pp. 9–28.
10. Tsarev V.I., Chobanyan V.L. *Tsentralnyi Park v Gorode Krasnoyarske: Istoriia Formirovaniia i Arkhitekturno – hudozhestvennye Preobrazovaniia* [The Central Park in Krasnoyarsk City: Formation History and Architectural and Planning Transformations]. Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University, 2013, no. 7, pp. 281-287.
11. Caniggia G., Maffei G.L. Architectural composition and building typology: interpreting basic building. Alinea, 2001, 252 p.
12. Carlotti P. The Implicit Project in the Urban Form. U+D_urbanform and design, 2021, no. 14, pp. 156–661.
13. Conzen M.R.G. Alnwick, Northumberland: a study in town-plan analysis. Transactions and Papers (Institute of British Geographers), 1960, no. 27, pp. 111-122.
14. Levy A. Urban Morphology and the Problem of the Modern Urban Fabric: Some Questions for Research. Urban Morphology, 1999, no. 2(3), pp. 79–85.
15. Maretto M. Perché la Morfologia Urbana? U+D_urbanform and design, 2014, no. 1(1), pp. 62-63.
16. Moudon A.V. Introducing Supergrids, Superblocks, Areas, Networks, and Levels to Urban Morphological Analyses. Iconarp International J. of Architecture and Planning. 2019. № Special Issue 'Urban Morphology' (7), pp. 01–14.
17. Oliveira V. Morphological Research in Planning, Urban Design and Architecture. Springer International Publishing, 2021, pp. 1–15.
18. Rowe C. Program versus Paradigm: Otherwise Casual Notes on the Pragmatic, the Typical, and the Possible. As I was Saying: Cornelliana, 1996, pp. 7–41.
19. Rowe C., Koetter, F. Collage City. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1978, 100 p.
20. Whitehand J.W.R., Gu K. Conserving Urban Landscape Heritage: A Geographical Approach. Procedia - Social and Behavioral Sciences, 2010, no. 5(2), pp. 6948–6953.

ОБ АВТОРЕ**Белова Дарья Александровна**

Доцент кафедры «Архитектурное проектирование», Институт Архитектуры и Дизайна,
Сибирский Федеральный Университет, Красноярск, Россия;

Член Союза архитекторов России

dariia.belova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR**Belova Daria A.**

Assistant Professor of the Department of Architectural Design at the Institute of Architecture and
Design, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia;

The Member of the Union of Architects of Russia

dariia.belova@gmail.com